

Как мужской шовинист, заявляю...

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

Павел БАСИНСКИЙ

Когда-то на заре перестройки мне посчастливилось написать и напечатать в "Литературной газете" статью о "женской прозе", о которой в то время все говорили в связи с выходом нескольких коллективных сборников: "Не помнящая зла", "Новые амазонки", "Чего хочет женщина" и др. В той статье я всего лишь отметил какие-то, на мой взгляд, очевидные и вовсе не дурные особенности "женского" почерка в прозе. Например, ее физиологичность. Например, специфическое отношение к морали. И так далее. Мне казалось, что все эти особенности "женской прозы" сознательно декларируются самими авторами сборников, и, следовательно, никакого открытия я не делаю...

Результат был странный. Из самой Америки пришло возмущенное письмо от известной женщины-литературоведки, в котором меня обвиняли в "мужском шовинизме". Суть обвинения заключалась в том, что я, мол, не считаю женщин за людей и проч. Я понял, что оказался в эпицентре какой-то непонятной игры в определения; что если сами женщины-прозаики называют свою прозу "женской", то это нормально, а если критик-мужчина обращает на это внимание, то это стыд и позор. Потом от Светланы Василенко, одной из активных участниц того литературного движения, я выяснил, что эта игра называется "феминизм" и играют в нее взрослые тети во всем мире, а в Америке так она просто стала национальной традицией. Например, там нельзя подать женщине пальто, нельзя уступить место в транспорте, нельзя открыть перед ней дверь... Можно и по морде схлопотать. Потому что все эти действия как бы подчеркивают: ты не считаешь женщин за людей, ты их считаешь за женщин...

С тех пор кличка "мужской шовинист" прочно ко мне приклеилась, и когда, например, Светлана Василенко представляла меня своей французской переводчице, то так и сказала:

— Познакомьтесь, это наш мужской шовинист...

Дама смотрела на меня с неподдельным интересом, как если бы ей представили сибирского медведя или чеченского боевика. На всякий случай я не поцеловал даме ручку, но крепко, по-мужски, ее пожал.

Так вот: как "мужской шовинист" я ответственно заявляю, что нежно и бесконечно люблю русскую "женскую прозу". Правда, не всю. Здесь мой вкус столь же капризен и избирателен, как и там, где речь идет о прозе "мужской".

Каждый раз, когда я пишу очередную статью о Светлане Василенко (не без гордости я иногда называю себя "василенковедом"), я обязательно цитирую фрагмент ее крохотного рассказа "Суслик", напечатанного в сборнике "Звонкое имя", М., 1993. Пионеры в степи выливают сусликов. Льют воду с хлоркой в норку и:

"Он вылез на свет, мокрый, дрожащий, маленький, будто только родился у нас на глазах из чрева земли, — и застыл очарованный.

Фото В. БОГДАНОВА

В. Нарбикова

Божий мир был цел и глядел на него...

Подняв свою душу на задние лапы, он молитвенно сложил свои ручки на груди и, закинув голову, блаженно, подслеповато шурясь, поглядел на солнце.

Мир был цел.

Он тихо свершил свой намаз.

Как-то Лев Толстой заметил, что если в России вдруг случится страшный пожар и сгорят все книги и рукописи, но уцелеет только одна строчка Фета:

Прочь этот сон! В нем слишком много слез!

— то по этой одной строчке можно будет составить представление о русской поэзии.

Если в России вдруг случится страшный пожар и сгорят все книги и рукописи, но останется этот фрагмент рассказа Василенко (для того я и цитирую его столь часто), то по нему можно будет составить представление об искусстве русской прозы.

В этом фрагменте есть такие переливы смысла, такие неподражаемые интонационные ходы, что, читая его, хочется самому встать в позу суслика и свершить свой намаз. Но в этом же фрагменте есть и феноменальное чувство целого, которое отсылает нас к вершинам русской религиозной мысли, всегда пытавшейся понять Божий мир в его целостности, несмотря на все "крушения гуманизма" и прочие провалы и трещины мировой цивилизации, в которой Россия занимает сегодня не самое почетное место.

В прозе Светланы Василенко меня всегда поражает вот эта способность в крохотной точке времени и пространства через мимолетный взгляд на самый незначительный жизненный эпизод запечатлеть какой-то исполнительный, почти божественный образ мира. Этой способностью обладают очень немногие наши писатели: Астафьев, Солженицын (в "Крохотках")... Этой способности нельзя научиться; она дается свыше, как дар. В сравнении с Василенко, многие даже очень хорошие прозаики-мужчины — все-таки бездарности.

А вот проза ее сверстницы Валерии Нарбиковой мне, скорее, не нравится. Она меня даже раздражает своей подчеркнутой виртуозностью. Но и за этим раздражением я не могу не признать, что Нарбикова умеет что-то такое вытворять со словами, чего сегодня не умеет никто. В отличие от Василенко она обращается со словами довольно жестоко, без-

жалостно, потрошит и набивает, как чуел, или, лучше сказать, шлифует до одной ей необходимого блеска. Но опять же я должен признать, что делает она это классно, как таежный охотник свежует зверя; и иногда не можешь не залюбоваться самим процессом этой работы. Вот, например, описание католического кладбища в ее последнем романе "... и путешествие":

"Оно было даже умнее православного, это католическое. Оно было расчетливей. И в нем был некоторый стыд. И сдержанность. И оно было удобным. И в нем не было никакой тайны. В нем не было разгульной православной вакханалии. В нем не было разгульного православного смирения. Оно было ни горячим, ни холодным. Оно было теплым. Даже тепленьким. Таким тепленьким местечком для покойников. И даже покойники казались покойничками. Оно было игрушечным, вот что, это кладбище. Оно было мертвым. Оно не было живым. А православное кладбище — живое. Со всей своей глупостью, дебильностью, уродством, гением, страстью, грязью,

С. Василенко

моветоном, жалкостью, ущербностью, тупостью, бедностью, нищетой, с дождичком, размытым дорогами. Со своей заботой. Марфа, Марфа! ты Марфа, в вечной заботе..."

И опять — вслед за Толстым, сказавшим о Фете: "Откуда у этого гвардейского офицера такая лирическая дерзость!" — хочется спросить: откуда у этой писательницы такой мастеровский почерк и такая стилистическая дерзость, позволяющая различать кладбища "мертвые" и "живые", а "покойников" отделять от "покойничков"? А вот это, я думаю, не дар, но приобретенное. Нарбикова заставлял слова ходить под свой барабан. Они перед ней маршируют, как оловянные солдатики. Ать-два, ать-два... Ни один не покинет строя без приказа командирши. Это — тоже искусство и настоящее.

Так что напрасно меня называют "мужским шовинистом". Недоразумение это. Я бы в "феминисты" с радостью пошел — пусть меня научат!